

РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

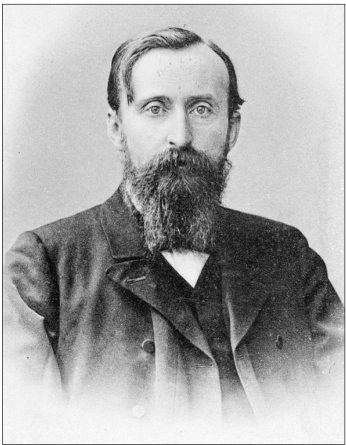
С.-Петербургъ.
St. Pétersbourg.Таврический Дворецъ-Здание Государственной Думы.
Le Palais de Tauride - Douma de l'Empire.

Здание I Государственной думы.

Не оправдали надежд
Столыпина

Выступая на заседании II Государственной думы с правительственной декларацией, премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин заявил: «Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое, так как пока писанный закон не определяет обязанностей и не ограждает права отдельных русских подданных, права эти и обязанности будут находиться в зависимости от толкования и воли отдельных лиц, т.е. не будут прочно установлены». Он говорил о подготовке законопроектов о неприкосновенности личности и свободы вероисповедания, о государственном страховании рабочих, об отмене наказания за чисто экономические стачки.

Одновременно Столыпин призвал восстановить в стране «порядок и спокойствие». Не отвергая в принципе сотрудничества с либералами, председатель Совета министров заявил представителям революционного лагеря: «Не запугаете!»

Князь Дмитрий Шаховской.

Однако еще более левая по составу депутатов II Государственная дума вновь не оправдала надежд императора и правительства, очень активно обсуждала аграрный вопрос и по указу императора была распущена 3 июня 1907 года. За время работы II Государственная дума одобрила 20 законопроектов, но только три из них стали законами, пройдя через Государственный Совет и утверждение императора — закон о контингенте новобранцев и два закона о продовольственной помощи.

Аграрная реформа

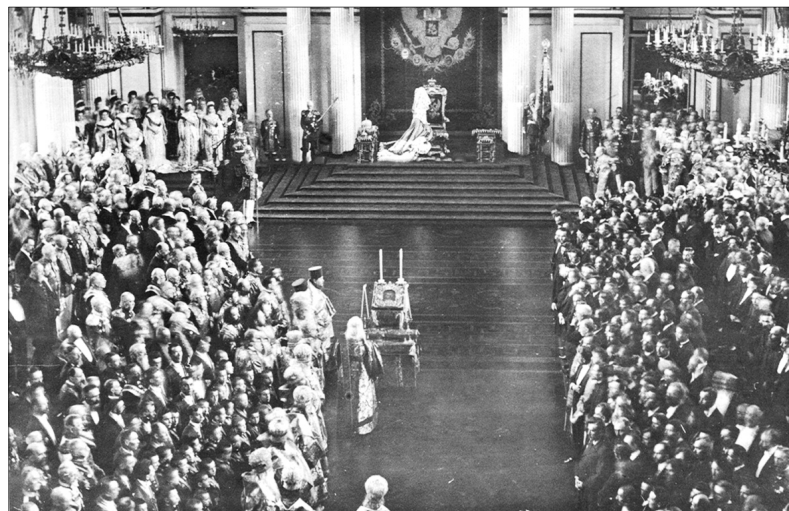
В 1907 году в III Государственную думу по Ярослав-

ской губернии были вновь избраны пять человек: князь И.А. Куракин, губернский предводитель дворянства, октябрист — от землевладельцев; беспартийный А.П. Кожевников, крестьянин Мышкинского уезда — от крестьян; помощник присяжного поверенного в Рыбинске кадет С.К. Ельтеков — от горожан; беспартийный волостной старшина Холмовской волости Пошехонского уезда Ф.Д. Андреев; отец А.С. Соколов, священник села Воскресенское-Поречье Угличского уезда. Итак, губернию в думе представляли кадет, октябрист и три беспартийных депутата. Только эта III дума отработала весь положенный по закону срок с 1907 по 1912 год до истечения ее полномочий. Важнейшими принятыми законами стали закон о столыпинской аграрной реформе и закон о страховании рабочих.

Последний состав

В 1912 году в IV Государственную думу от Ярославской губернии были избраны 5 человек: помещик А.Г. Ратьков-Рожнов, правый; волостной старшина Покрово-Сицкой волости Мологского уезда А.Т. Беляев; пошехонский уездный предводитель дворянства А.М. Черносвитов, правый; угличский уездный предводитель дворянства Н.Н. Тучков, октябрист; председатель Ярославской уездной земской управы князь Д.Д. Урусов. Вскоре князь Д.Д. Урусов по неизвестным причинам отказался от звания члена Государственной думы, и пятым членом от губернии вместо него стал помещик К.К. Черносвитов, кадет.

IV Государственная дума действовала с ноября 1912 по февраль 1917 года, и ее представи-

Первое заседание Государственной думы.

тели принимали отречение последнего русского императора Николая II.

Уроки первого опыта

Государственные думы работали в разных условиях: первая и вторая во время революции 1905 — 1907 годов, третья — в условиях промышленного спада и низкой политической активности, четвертая начала работу в период нового промышленного подъема, но потом разразилась Первая мировая война и империя оказалась на краю пропасти. В первой и второй думах преобладали либералы и левые, а в третьей и четвертой — правые депутаты и умеренные либералы.

К.Ф. Некрасов.

Разными были и ярославские думцы — 20 человек за десять лет: помещики, крестьяне, преподаватели, рабочий и священник. Они представляли разные группы населения, города и сельскую местность. Несмотря на ограниченное избирательное право, которого не имели женщины, военные, студенты и некоторые другие категории, думы выражали общественное мнение, активно занимались законодательной работой, нарабатывали практики обсуждения и решения насущных вопросов российской действительности более демократическим, а не только административным путем. А население, пусть даже его меньшая часть, получило первый опыт изучения политических программ разных партий, участия в предвыборных собраниях и самих выборах. Как, собственно, и партии, которые по всей стране учились работать со своими избирателями и решать поставленные задачи в правовом поле, без заговоров и экспроприаций.

Виктория МАРАСАНОВА,
профессор ЯрГУ
им. П.Г. Демидова

ЗОЛОТОЙ ФОНД

Из Петербурга —
в Ярославль

Возникновение в России в 1906 году первой Государственной думы явилось крупнейшим историческим актом. Сотни тысяч русских верили, что дума станет началом совершенно нового периода жизни русского общества и окажется той исторической столбовой дорогой, по которой народ сможет добраться до чего-нибудь толкового и осмысленного.

Мы публикуем письмо одного из ярославских депутатов первой думы — Константина Федоровича Некрасова, в будущем известного книгоиздателя, племянника Н.А. Некрасова. Во время избрания в думу К.Ф. Некрасов был наиболее деятельным членом местного отдела партии «Народная свобода». Письмо отправлено Некрасовым из Петербурга в Ярославль ровно за месяц до роспуска думы. Адресат — Николай Петрович Дружинин, юрист, жур-

налист, земский деятель, учился в Оксфордском колледже, с 1900 года жил в Ярославле. Дружинин — автор работ «Что такое конституция и зачем она нужна народу», «Право и личность крестьянина» и других. С 1909 года вместе с Некрасовым издавал газету «Голос» — самую демократичную в Ярославском крае. Из публикуемого письма, которое хранится в фондах Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, ярко представляется политическая жизнь России начала XX века.

8 июня 1906 г. С.-Петербург

Многоуважаемый Николай Петрович, большое Вам спасибо за письмо; я не писал Вам, так как был уверен, что Вы давно уехали за границу, и только недавно от А.Н. Аристовой узнал, что Вы еще в Ярославле. Что делается в Ярославле, я знаю только из газет, так как писем почти ни от кого не получаю; не пишу и сам, ибо не знаю, кто есть в городе; писал К.Н. Калистрову, но от него ответа не получил. В Ярославль собираюсь, но когда удастся приехать, не знаю; хотелось бы приехать дня на три — на четыре, а между тем пропускать заседания думы неудобно. Кроме того, сейчас не могу приехать и по другой причине: в партии и в думе настроение какое-то неопределенное, выжидательное, все точно чего-то ждут, чувствуют себя неуверенно; оснований этому, конечно, достаточно, и одно из главных — это слухи о роспуске думы и предвидение того, что после этого произойдет. Эти мысли угнетали (как мне кажется) нас всех в течение нескольких дней; целое длинное заседание фракции (даже 2) было посвящено разрешению вопроса о том, что делать, если думу разгонят или распустят. Решение состоялось, по-моему, вполне правильное: думать-решать о том, что мы будем делать, когда думу разгонят, теперь не время — это значит обнаруживать свою слабость и открывать карты правительству; когда наступит момент, у нас хватит ума и решимости на самый конец сражения составить план действия и сделать то самое, что будет нужно. Мысли о том, что нас могут разогнать, мы не допускаем. Все же силы надо приложить к тому, чтобы сделать роспуск думы невозможным.

И все-таки хотя я и уверен и за себя, и за партию, и даже за думу, уходя из собрания, я чувствовал себя беспокойно. Впрочем, в последнее время слухи о разгоне замолкли и даже были опровергнуты, вообще атмосфера как будто проясняется.

Как видите, с таким настроением лучше не ждать (поездки) совсем; вместо пользы (она) принесет только вред; кроме того, думая о поездке в такие дни, я положительно не знаю, о чем говорить; гнетет одна мысль: что будет, когда разгонят думу; согласитесь, что говорить об этом на публичном собрании — это значит способствовать разгону и вносить в умы разлад. Поэтому я решил не ехать никуда, пока не окрепну. Сегодняшнее заседание было замечательно интересно. Столыпин и Щегловитов отвечали на вопросы, подробно описывать не буду, узнаете раньше из газет. Столыпина мы слышали впервые; кажется, на всех он произвел одно и то же впечатление — это искренний и по-своему, вероятно, честный... Очень хорошо говорил Урусов. Неторопливо, полегоньку, как будто он говорил о самых обыкновенных вещах, он описывал все сокровенные министерские секреты по оборудованию тайной типографии в министерстве для печатания черносоленных прокламаций и о прочем. Любопытно было смотреть на министров; они просто корчили, извивались в своих креслах... Хорошо говорили и другие — Винавер, Набоков, Родичев. Содержательно, ибо запаслись раньше данными и документами, которые опровергнуть трудно.

Ну, всего хорошего, уважаемый Николай Петрович, жму Вашу руку.

Искренне Вам преданный и уважающий Вас К. НЕКРАСОВ.